

*АНТОШИН Алексей Валерьевич,
доктор исторических наук,
профессор Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)*

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЭМИГРАЦИЕЙ: ЮРИЙ СЛЕПУХИН И РУССКАЯ КОЛОНИЯ В БЕЛЬГИИ В 1945–1947

Начало эмигрантского периода в жизни Ю. Г. Слепухина связано с Бельгией. Здесь семья будущего писателя прожила около двух лет — с 1945 по 1947. В значительной степени этот небольшой по продолжительности, но исключительно важный отрезок жизни Юрия Слепухина наложил отпечаток на всю последующую биографию русского писателя. Ведь это были годы становления его личности. Он приехал в Бельгию 19-летним юношей, советским человеком, которого угнали на работы в нацистскую Германию. Через два года из Бельгии за океан уезжал активист Национально-трудового союза (НТС), ведущей антикоммунистической организации Русского зарубежья после Второй мировой войны.

Как произошел этот перелом в сознании молодого человека? Что могло случиться за эти два года? Ответы на эти вопросы может дать обращение к различным историческим источникам. Чрезвычайно интересным и важным источником, который позволяет нам охарактеризовать этот отрезок жизни Ю. Г. Слепухина, являются воспоминания его сестры Ирины Григорьевны¹. Автор данного доклада дополняет ее свидетельства другими материалами, которые рисуют жизнь русских в Бельгии в 1945–1947. В частности, используются документы зарубежных архивохранилищ, прежде всего Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Архива Музея русской культуры (Сан-Франциско, США), а также Архива

¹ *Слепухина И. Г. Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова. СПб., 2012. С. 38–46.*

Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Привлекая, наряду с этим, материалы эмигрантской прессы тех лет, исторические произведения, написанные проживающими ныне в Бельгии эмигрантами разных «волн», можно попытаться реконструировать ту атмосферу, в которой протекали эти два года жизни будущего писателя.

Как показывают исторические источники, Ю. Г. Слепухин сразу же оказался в стране, которая являлась достаточно важным центром «белой» эмиграции. Конечно, Брюссель как центр Русского зарубежья не мог сравниться, например, с Парижем. Тем не менее, уже к 1924 здесь проживало около 2 тысяч российских подданных, а во всей Бельгии — почти 9 тысяч. К 1926 в одном только Брюсселе собралось около 3 тыс. русских². Небогатых русских беженцев привлекала дешевизна жизни в этой стране (низкий курс местного франка), господство французского языка, который знали в России тогда многие. Кроме того, монархическая Бельгия воспринималась как островок стабильности в бурной жизни межвоенной Европы. Конечно, мировой экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х ударил и по Бельгии, тем не менее она продолжала оставаться достаточно привлекательной для русских.

Здесь жили многие представители русской аристократии, офицеры Русской императорской и Белой армий. Достаточно сказать, что в Бельгии осела дочь генерала Корнилова Наталья, в 1920–1922 в пригороде Брюсселя жил генерал А. И. Деникин, здесь же прошли и последние годы жизни Врангеля. Таким образом, с Бельгией оказались связаны судьбы семей всех трех вождей Белого движения на Юге России! С семьей Врангеля Слепухины были знакомы, Ирине Григорьевне особенно запомнилась дочка генерала, Наташа, и ее голос: «В один из вечеров у них на дому она пела романс “Снился мне сад в подвенечном уборе”, и это было прекрасно. Я слушала, замирая от волнения и восторга, запомнив этот вечер на всю жизнь»³.

Особенно много белых офицеров оказалось в Бельгии после эвакуации из Крыма частей врангелевской армии. Часть из них про-

² Ронин В. К. «Русское Конго», 1870–1970 : книга-мемориал. М. : Дом Рус. Зарубежья им. А. Солженицына : Рус. путь, 2009. Т. 1. С. 161.

³ Слепухина И. Г. Воспоминания о брате. С. 42.

должали жить в Бельгии и в тот период, когда там находился Юрий Слепухин. После Второй мировой войны их положение в стране было сложным, поскольку среди них было немало активных коллаборационистов, сражавшихся в дивизии СС «Валлония»⁴. Как отмечал историк С. А. Маньков, по рекомендации лидера бельгийских нацистов Л. Дегрелля часть эмигрантов была даже привлечена к участию в диверсионной деятельности, в последние месяцы войны из них пытались сформировать специальное подразделение при СД⁵.

Среди русских эмигрантов, воевавших на стороне нацистской Германии, оказался и прямой потомок А. С. Пушкина Александр Николаевич Пушкин. В тот момент, когда в Бельгии находился Юрий Слепухин, А. Н. Пушкин сидел в местной тюрьме за коллаборационизм⁶. Брат известного русского монархиста Б. Л. Солоневич характеризовал потомка великого русского поэта так: «Во время войны ушел на фронт в составе легиона Леона Дегрелля, был на Кавказе, под Черкассами и пр. – словом, боевой парень... Не могу сказать, что был весьма культурным человеком, — типичный низовой офицер — крепкий, храбрый, исполнительный, не хватающий звезд»⁷. Сам Б. Л. Солоневич был достаточно активным политиком в русской колонии в Бельгии, издавал журнал «Родина». Впрочем, как и большинство эмигрантских изданий, «Родина» испытывала постоянные финансовые проблемы, Б. Л. Солоневич готов был обращаться за помощью даже в Пентагон⁸. Тем не менее, живя, по его собственным словам,

⁴ См.: *Туровский Б. С.* Российский Имперский Союз-Орден вчера, сегодня, завтра : (информ. сообщ.) // Наука, культура и политика русской эмиграции : сб. ст. и материалов всерос. науч. конф.: Санкт-Петербург, 24–26 июня 2002 г. СПб., 2004. С. 200–206. (Труды / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств ; т. 162) ; *Кузнецов Н. А., Семенов К. К.* Судьба морского офицера Георгия Чехова // Нансеновские чтения, 2009. СПб., 2010. С. 269–276 ; Имперцы. 80 лет РИС-О. 1929–2009. Б. м., [2009?] ; и др.

⁵ *Маньков С. А.* Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения, 2009. СПб., 2010. С. 90.

⁶ Н. А. Пушкина — Б. Л. Бразолю. 24.05.1947 // LoC MD. Poushkin Society in America records. Box 2. Folder «General correspondence, 1945–1949».

⁷ Б. Л. Солоневич — Б. Л. Бразолю. 15.12.1952 // Ibid. Folder «General correspondence, 1951–1952».

⁸ Б. Л. Солоневич — Б. Л. Бразолю. 07.06.1951 // Ibid. Boris Brasol papers. Box 4. Folder «Political correspondence, 1950–1952».

на 20 долларов в месяц, брат Ивана Солоневича не унывал: «Веса во мне 92 кило и весьма основательных, и считаюсь я одним из лучших борцов в “великой Бельгии” — уже пять раз защищал ее спортивную честь на международных матчах»⁹.

Центральной фигурой русской военной эмиграции в Бельгии являлся генерал А. П. Архангельский, возглавлявший Русский общевоинский союз (РОВС). В годы Второй мировой войны он предлагал помощь нацистской Германии в борьбе против Советского Союза, за что позднее подвергался резкой критике, в частности со стороны генерала А. И. Деникина¹⁰. Тем не менее, и после войны ему удалось сохранить свой авторитет в русской офицерской среде. А. П. Архангельский был монархистом, сторонником великого князя Владимира Кирилловича, однако уважал и позицию тех русских офицеров, которые оставались «непредрешенцами»¹¹. Он по-прежнему был непримиримым противником большевизма, не верил в возможность серьезной эволюции советского режима. В октябре 1945 он писал бывшему российскому послу в Лондоне Е. В. Саблину: «Не достаточно разбираясь в том, что действительно происходит в Советской России, многие поверили тому, что там происходят коренные изменения... Но “туман” уже начинает рассеиваться, и лицо большевизма и Советской власти, а также настоящие ее цели становятся для многих все яснее и яснее, и многие начинают понимать, где угроза всему миру и что эмиграция, предупреждая об этом, была права»¹².

Бесспорно, к 1945 многие офицеры Белой армии подошли уже в критическом возрасте. Ю. Г. Слепухин застал русские воинские организации уже прошедшими период своего расцвета и клонившимися к упадку. Так, видный деятель Конногвардейского объединения (группа его членов жила и в Бельгии) В. Ф. Козлянинов в апреле 1947

⁹ Б. Л. Солоневич — Б. Л. Бразолю. 27.07.1950 // LoC MD. Boris Brasol papers. Box 4. Folder «Political correspondence, 1950–1952».

¹⁰ *Худокормов А. В.* Генерал Архангельский — мужественный и достойный офицер, мудрый политик и глубокий русский патриот // *Нансеновские чтения*, 2008. СПб., 2009. С. 120.

¹¹ А. П. Архангельский — А. А. фон Лампе. 14.03.1951 // BAR. Alexey von Lampe coll. Box 2. Folder 9.

¹² А. П. Архангельский — Е. В. Саблину. 15.10.1945 // НИА. Aleksei P. Arkhangelskii coll. Box 1.

писал одному из своих друзей: «Нас все меньше и мы все стареем»¹³. Через год он выскажет еще более определенно: «Мы действительно вымираем, а дети Конногвардейцев не интересуются вовсе полком, где служили их отцы»¹⁴.

Юрий Слепухин был знаком с некоторыми из старых русских офицеров. Один из таких людей, Константин Вишнеvский, и его жена и спасли от выдачи в СССР семью будущего писателя¹⁵.

С армией Врангеля бежали из России и представители русской аристократии. Ирина Григорьевна Слепухина вспоминала старого графа Апраксина, который у себя дома читал еженедельные лекции по русской истории для молодежи¹⁶. Как удалось установить, речь идет о графе Петре Апраксине, состоявшем до революции при императрице Александре Федоровне. В годы Первой мировой войны он принимал активное участие в благотворительной деятельности, патронируемой императрицей, ездил на фронт, доставлял солдатам теплые вещи, белье. П. Н. Апраксин посещал и лазареты, организуемые великими княжнами. Конечно, этому человеку, находившемуся при Императорском дворе, было что рассказать. Юрий Слепухин, приехавший из Советского Союза, где давалась искаженная картина русской истории, с большим интересом слушал лекции графа, старался их не пропустить.

Важным фактором привлекательности Бельгии для русских беженцев являлась и помощь, которую оказывали местные католические круги. Кардинал Дезире-Жозеф Мерсье, епископ Мехеленский, со времен Первой мировой войны симпатизировал России и русским, которые заступились за маленькую Бельгию, ставшую жертвой германской агрессии. Поэтому он оказывал как материальную, так и моральную поддержку изгнанникам из России. Это привело к тому, что в Бельгии появились и такие эмигранты, которые перешли в католицизм (прежде всего т.н. «восточного обряда»). Их пропаганда

¹³ В. Ф. Козлянинов — Б. Е. Гартману. 26.04.1947 // BAR. S. S. Beloselskii-Belozerskii coll. Box 12. Folder «1947».

¹⁴ В. Ф. Козлянинов — Ф. В. Каталею. 04.06.1948 // Ibid.

¹⁵ Слепухина И. Г. Воспоминания о брате. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 43.

была весьма умелой, учитывавшей и стремление части эмигрантов сохранить традиционную православную веру. Чтобы привлечь таких людей на свою сторону, католики «восточного обряда» стремились доказать тезис о том, что признание Вселенского авторитета Верховного архиерея Папы Римского «нисколько не препятствует верности истинному православию»¹⁷. Одновременно настойчиво проводилась мысль о том, что обращение к католицизму отнюдь не означало полную ассимиляцию русского эмигранта. Более того: именно «всякие подгонки и приспособления к западной цивилизации и психологии с ее темпами, вкусами, модами» обычно отталкивали потенциальных католиков от церкви Ватикана¹⁸.

Один из католиков стал и близким другом Юрия Слепухина. Сестра будущего писателя с большой теплотой вспоминала этого человека — Арно, сына иностранца («кажется, француза») и русской. Это был высокий, стройный, темноволосый человек с «огромными, сияющими глазами». Он приходил в дом к Слепухиным, и они часами разговаривали с Юрием — «о вере, о богословии, о жизни, понимая один другого во всем»¹⁹. Большой туберкулезом, Арно все-таки стал миссионером, уехал в Бельгийское Конго и погиб там, не выдержав местного климата. К сожалению, фамилию этого человека установить пока не удалось²⁰. Но, как свидетельствует Ирина Григорьевна Слепухина,

¹⁷ Россия и Вселенская Церковь. Louvain ; Bruxelles, 1953. № 6. С. 6.

¹⁸ Рус. католич. вестн. Louvain ; Bruxelles, 1951. № 1. С. 25.

¹⁹ Слепухина И. Г. Воспоминания о брате. С. 45.

²⁰ Фигура Арно пока остается загадочной. Крупнейший специалист по истории русской эмиграции в Бельгии и Бельгийском Конго известный историк В. К. Ронин в личном письме автору этих строк заметил: «Ни один из тех, кто был в Центральной Африке после войны и с кем я потом беседовал, никогда не упоминал о миссионере, русском по матери. Замечу, впрочем, что тот факт, что ПОСЛЕ ВОЙНЫ человека, больного туберкулезом, кто-то послал (и пустил!) в бельгийские владения в Африке, вызывает у меня серьезные сомнения. Тем более что мне почти не известны случаи, когда ПОСЛЕ ВОЙНЫ в бельгийской Африке кто-либо умирал от тяжелого климата. В миссионерах в то время недостатка не было, медицина для белых была около 1950 г. на высочайшем уровне, а по-настоящему тяжелый климат в Конго только в очень немногих местах. Не исключено, что этот Арно каким-либо образом скрыл свою болезнь (однако медосмотр был в те годы строжайший), чтобы попасть в Африку. Но зачем он стремился именно туда?» (В. К. Ронин — А. В. Антошина. 17.01.2017 // Личный архив А. В. Антошина).

брат переживал эту смерть очень тяжело, «ведь такого друга у него больше никогда не было...»²¹.

Заметим, что пришел к вере в эти годы и сам Юрий Григорьевич. Как вспоминает Ирина Григорьевна, они с братом были крещены священником отцом Виктором, прекрасным проповедником, умным, образованным человеком²². Как свидетельствуют исторические источники, поворот к религии произошел в эти годы у многих новых эмигрантов, представителей «второй волны». Испытания войны, встреча с русскими эмигрантами меняли сознание бывших советских граждан. Неслучайно в различных центрах Русского зарубежья возникали религиозные журналы. Отличительной особенностью их являлся популярный характер, стремление не замыкаться в рамках освещения проблем церковной догматики, а публиковать базовые тексты, необходимые, очевидно, для приехавших из атеистического СССР новых эмигрантов. Подчеркнуто дистанцировался от политики (в т. ч. церковной), например, выпускавшийся в бельгийском Льеже журнал «Христианская жизнь». Он разъяснял эмигрантам элементарные принципы православной религии, объясняя, почему необходимо ходить в церковь, соблюдать пост и т. д.²³

Русская колония в Бельгии была неоднородна по своим политическим взглядам. Наряду с консервативно настроенными старыми офицерами Белой армии были здесь и отдельные сторонники левых идей неонароднического толка²⁴. В качестве консолидирующего фактора чаще всего выступал антибольшевизм, негативное отношение к существовавшему в СССР политическому режиму. Большинство политически активных русских, проживавших в Бельгии во второй половине 1940-х, не верили в возможность компромисса со сталинским режимом²⁵.

При этом не следует преувеличивать «активизм» русской эмигрантской колонии. Даже сравнительно молодые эмигранты Второй волны зачастую негативно относились к периодически раздававшимся

²¹ Слепухина И. Г. Воспоминания о брате. С. 45.

²² Там же. С. 41.

²³ Христианская жизнь. Liege, 1946. № 2. С. 2–7; 1946. № 3. С. 9–10.

²⁴ И. И. Алчеев — В. М. Зензинову. 04.09.1949 // BAR. Vladimir M. Zenzinov coll. Box 6. Folder «Correspondence A–B».

²⁵ Archive of Museum of Russian Culture. 5929-2-13.

в эмиграции призываю организовать антибольшевистские вооруженные формирования и воевать против Советского Союза. Бывший властелин И. И. Будацацкий прямо высказался по этому поводу в одном из личных писем: «Донкихотствовать я больше не буду». Он полагал, что жертвы «на сей раз уже не нужны и будут бессмысленны»²⁶.

Как И. И. Будацацкий, так и Ю. Г. Слепухин принадлежали к эмигрантам Второй волны в Бельгии. Страна стала достаточно важным центром этого эмиграционного потока: к 1952 в Бельгии оказалось, по советским данным, 14 729 бывших граждан СССР²⁷. Часть из них включилась в деятельность различных эмигрантских политических группировок. Как и некоторые другие эмигранты «второй волны», Юрий Слепухин примкнул к НТС. Известный историк П. Н. Базанов отмечает, что будущего писателя привлек в организацию Союза М. А. Прозаровский (Багдасаров). Ю. Г. Слепухин часто бывал и у известного деятеля НТС Б. А. Литвинова. Однако особенно интересно то обстоятельство, что в августе 1947 Юрий Слепухин ездил в Париж для встречи с сыном премьер-министра Российской империи П. А. Столыпина — А. П. Столыпиным²⁸. Это был крупный политик Русского зарубежья той поры. Он много лет возглавлял Французский отдел НТС, базировавшийся в столице русского изгнания — в Париже. А. П. Столыпин был известен своими разнообразными международными связями, знал многих представителей политической и деловой элиты Европы.

Думается, не случаен и сам факт того, что А. П. Столыпин в тот момент решил встретиться с совсем молодым парнем, недавно приехавшим из Советского Союза. Как известно, вторая половина 1940-х стала временем острейшего кризиса во Французском отделе НТС, который стал предвестником внутрисоюзных «войн» начала 1950-х. Новые лидеры Исполнительного бюро НТС (прежде всего, Е. Р. Романов) начали серьезную «перестройку» идеологии и тактики Союза. Закономерно, что в довоенной «столице» Русского зарубежья, где проживало немалое количество «старых» деятелей НТС, эта

²⁶ И. И. Будацацкий — Б. И. Николаевскому. 28.08.1950 // НИА. Boris I. Nicolaevsky coll. Ser. 248. Box 474. Folder 5.

²⁷ Земсков В. Н. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6/7. С. 111.

²⁸ Базанов П. Н. Русская эмиграция в жизни и творчестве Ю. Г. Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 304.

политика вызвала наибольшее сопротивление. Документы, хранящиеся в Архиве восточноевропейской истории и культуры в Бремене, показывают, какая сложная ситуация сложилась в Парижском отделении НТС. Многочисленные письма протеста, лишения звания члена-руководителя видных «союзников» (Р. П. Рончевского, А. М. Васильева и др.) и т. д. продолжались несколько лет. Дело дошло до исключения из НТС некоторых старых и уважаемых эмигрантских общественных деятелей, которые были этим глубоко оскорблены. Один из руководителей Зарубежного союза русских военных инвалидов, подполковник А. Костанда, в письме В. Д. Поремскому высказался по поводу своего исключения весьма резко: «Я не мальчишка и не позволю никому меня оскорблять по ложным сведениям, коленом под задницу, катись, мол, колбасой»²⁹.

А. П. Столыпин поддерживал Исполнительное бюро в намерении провести радикальное обновление НТС. Он и его сторонники полагали, что многие «старые» члены Союза «душевно и физически» устали за годы войны, «потеряли или не нашли» веру в возможность антибольшевистской революции в России. Такие люди, как сын премьер-министра Российской Империи, полагали, что молодежь, только что приехавшая из Советского Союза, гораздо лучше знает реальную ситуацию на Родине. Молодых эмигрантов Второй волны зачастую отличал своеобразный «холодный скептицизм подлинных знатоков жизни и борьбы в советских условиях»: «Если для молодого союзника эпохи 1935 г. перспектива попасть, например, в Тулу казалась верхом революционного подвига, открывающего необозримые возможности для борьбы, то для человека, родившегося в Туле и прошедшего с ней все время вплоть до 1941 г. (и ничего для Национальной Революции на месте не сделавшего!) та же перспектива не дает почти ничего»³⁰.

Таким молодым парнем, хорошо знавшим ситуацию в Советском Союзе, и был в 1947 Юрий Слепухин. Обновляя НТС, А. П. Столыпин в тот момент опирался именно на подобных людей. Думается, поэтому и состоялась их встреча. Она прошла незадолго до отъезда семьи Слепухиных за океан — в Аргентину. Очевидно, молодой

²⁹ А. Костанда — В. Д. Поремскому. 02.08.1949 // Archiv FSO. F. 98. Folder «Париж, июль 1949 — декабрь 1950 гг.».

³⁰ Маршрутное письмо № 25 // Ibid.

член Союза получил и какие-то напутствия от старшего товарища. Руководству НТС было важно, чтобы та «перестройка», которую они задумали, осуществлялась на всех континентах, чтобы на ведущие роли выходили такие молодые ребята, как Юрий Слепухин.

Такой была та «школа эмигрантской политики», которую прошел в Европе Юрий Слепухин. За короткое время он успел многое. Общаясь со старыми белыми офицерами, людьми из окружения семьи Николая II, он впитывал в себя дух Русского зарубежья, проникался той самой классической русской культурой, которой, к сожалению, был лишен в Советском Союзе. Гуляя по улицам Брюсселя и Парижа, общаясь со своим другом Арно, он начинал узнавать и лучше понимать западную цивилизацию. Встречи с Б. А. Литвиновым и А. П. Столыпиным окунули его в эмигрантскую политику с ее специфической атмосферой и правилами игры. Будущий писатель был готов к следующему шагу — путешествию в Новый свет.

Аннотация: Статья посвящена начальному этапу жизни в эмиграции Ю. Г. Слепухина. Она базируется на материалах ряда американских архивов, Архива Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена и других источниках. Автор показывает условия, в которых формировались взгляды Ю. Г. Слепухина, установление им контактов с видными представителями русской эмиграции Первой волны.

Ключевые слова: Юрий Слепухин, русская эмиграция в Бельгии, Вторая волна русской эмиграции, Народно-трудовой союз.

Annotation: The article is devoted to the first period of émigré life of Jury Slepukhin. It is based on the materials of American archives, on the Archive of the Center of Eastern Studies (University of Bremen) and others sources. The author shows us conditions for the formation of Slepukhin attitudes, his first contacts with prominent representatives of the «first wave» of the Russian emigration.

Keywords: Jury Slepukhin, Russian emigration in Belgium, the Second Wave of the Russian emigration, Narodno-Trudovoy Sojuz.